

«Как эхо души поэта»

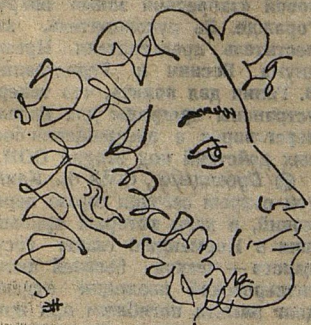

Рис. Э. НАСИБУЛИНА.

С ходу поэт не смог сосчитать количество выпущенных им книг. «Хлеб», «Кедры в снегу», «Земное притяжение любви», «Повесть романтических лет»... Много. На его стихи написаны песни Бориса Мокроусова, Серафима Туликова, Вано Мурадели, Валентина Левашова, Константина Листова... Иногда писал музыку и сам. Он противник модернистских изысков: «Я шел в бой за классику, равнение уверенно на стиль ее держа». Ему близки Ярослав Смеляков, Дмитрий Кедрин, Сергей Марков...

Из классики первый — Александр Сергеевич Пушкин. Он-то и вдохновил Льва Кондырева на создание оригинальной, даже дерзкой поэмы «Дневник Пушкина». Дело в том, что дневник дневником, да только написан он не Пушкиным, а как бы Пушкиным. А точнее — Львом Кондыревым «за Пушкина». Должен сказать, и это не только мое мнение, опыт удался.

— По-моему, такого, Лев Николаевич, у нас не было. «Под Пушкина» писали, но больше мистифицировали читателя. А вы, не таясь, да еще дневник, самое сокровенное.

— Дело в том, что Александр Сергеевич дневники вел, но часть их сжег, часть уцелевшего, как водится, затерялась. Утрата невосполнимая. В то же время жизнь поэта прослежена чуть ли не по минутам. Пушкиниана величественна. Она в фундаментальных, научных исследованиях, стихах, набросках, письмах самого поэта, свидетельствах друзей и недругов, анекдотах даже... Материал ог-

ромный. Опираясь на него, мне захотелось донести до наших читателей строй мыслей поэта, не потеряв при этом не только серьезности, но легкости и непринужденности, столь свойственных Александру Сергеевичу. И доверительности. Жанр дневника такую возможность давал. И я отважился.

— В воображаемой табели Пушкина вы ставите на почетное первое место...

— Да, любовь к Пушкину я впитал, как говорят, с молоком матери, с его замечательных сказок. Вся жизнь обращался к Пушкину как к светлomu источнику вдохновения, подлинного мастерства. Иногда думаю: какой была бы русская культура, подари Петру I вместо арапчонка, скажем, попугая?

— Трудно представить. Все же, Лев Николаевич, что послу-

жал. Дружил с Мицкевичем, восхищался Байроном, Гейне... Так что я понимаю свою поэму не только как попытку проникновения в стиль Пушкина. Это еще и напоминание о присутствии пушкинской России в нынешней, смутной. В том числе с помощью языка, потому что язык Пушкина — язык России.

— Да, но в последние годы язык России, как бы помягче выразиться, «заматерел», что ли...

— Понимаю. У бродячих ларечников быт прямо-таки грязевые вулканы порнографии и матерщины. Хлынул бурный поток низкопробной литературы. Даже Книжная лавка писателя от нее не убереглась. Выловить в этом потоке книгу прилично-го русского писателя — все равно что поймать золотую рыбку в базарной луже. Авторы то исте-

сатели, тоже жили дружно, ездили друг к другу, даже братались, в переводах пытались понять друг друга. Я переводил литовскую поэтессу Валерию Вальсоне, белоруса Кастуся Кириенко, узбечку Зульфию, многих других. Сам был переведен, помимо языков братских республик, на французский, даже хинди. Между прочим, был членом украинской комиссии Союза писателей. Таковой, помому, больше не существует. Все разом оборвалось, сердечные объятия и переводная работа. Все. В кошмарном сне бы не привиделось. Верю, временное все это и наносное. Как сказал поэт: «Товарищ, верь!».

— Что ж, будем верить. Все хочу спросить об одной, чисто рабочей, что ли, детали. Читаю «Дневник Пушкина»: легок, рифмы прихотливые, будто протянул руку — и вот оно: «мину-

«Дневник Пушкина» — необычная поэма Льва Кондырева

жило побудительной причиной при обращении к Пушкину, как ко второму «я»?

— Это, конечно, несравненное мастерство. Думаю, каждый пишущий стремится к совершенству. А что может быть совершеннее поэзии Пушкина? Вся жизнь учусь его высокому искусству — точности и выразительности, простоте и мудрости, чеканной строке — чудному славу золота и бронзы. Я не лгу себя надеждой достичь уровня великого мастера и перенестись в стихию его образов, почувствовать и воссоздать их, по-моему, задача стоящая. И потом, должен вам сказать, Пушкин современнее некоторых современных поэтов. Посмотрите, какой злобой клокочут стихи, если их можно так назвать, в иных противоположающих изданиях. И повесить-то, и канделябром-то огреть оппонента. А Пушкин «милость к падшим призывал». Какой враждой зажглись ныне друг к другу некоторые народы. А Пушкин — интернационалист в лучшем смысле этого слова, и родину любил, и другие народы ува-

жают сексопатологией, то пугают какими-то чудовищами, мутантами. Такое впечатление, что в сознание закладывается, если уже не заложена, база бездуховности, морального растления. Разве не удивительно: чем хуже книга, тем выше цена. Что за коммерция такая? Вот Эдгар Уоллес «Синяя рука». Право, литература для бездельников — 1.100 рублей. А рядом Владимир Зазубрин «Бледная правда» — 300 рублей, а ей цены нет. Да и в редкой русской-то книге обходится без слов-сорняков, блатных речений вроде «лох», «бакс», «телка»... Как говорится, что ни шаг, то кочка. Говорят, во Франции есть Лига защиты французского языка. Вот бы и нам такую завести, только для защиты русского.

— Лев Николаевич, говоря о современности Пушкина, вы назвали его интернационалистом и, я так понял, ожидали развития этой пушкинской традиции в наших условиях.

— Так уж воспитали нас за все прошедшие годы. Мы, пи-

та и стихи свободно потекли...» Так ли свободно писалось?

— Конечно, обманчивое впечатление. Да вы черновики самого Александра Сергеевича посмотрите. А какая после бесконечных черканий легкость? Трудно писалось, я о себе мучительно трудно. Десять лет ушло. Ответственность, чувство тревоги за каждую строчку. Пушкин исповедуется, философствует, шутит... Пушкин, понимаете? Солнце нашей поэзии. Нужно так настроить слух, войти, как актеру, в роль, чтобы хоть на время максимально приблизиться к этому человеку. К его интонации, манере.

Понять многое связанное с Пушкиным помогли поездки по памятным местам — Михайловское, Болдино, Полотняный завод, Петергоф. Сильнейшим импульсом дало посещение последнего прибежища поэта — петербургской квартиры на Мойке, 12. Здесь он в муках умирал, а мне чудилось: вот сейчас откроется дверь — и войдет хозяин, тряхнет рыжей шевелюрой...

— Чтобы «переплотиться» в Пушкина, пришлось, наверное,

«настроиться» на его волну?

— Пожалуй, так. Исповедую его отношение к творчеству как главному в жизни. Его любовь к народным поэтическим истокам — сказкам («Что за прелесть эти сказки!»), загадкам, наговорам, поверьям, притчам, былинам. Близок мне Пушкин верой в Бога, не обязательно подкрепленной стоянием со свечкой в храме, а когда он в душе. Даже суеверьями. И шампанским, разумеется. Рыцарским отношением к женщине. Юмором, тонким, глубоким, прекрасно орнаментированным, элегантным и едким. Многие эпиграммы могли поставить его под дуло пистолета. Не обделила меня судьба, как и Александра Сергеевича, талантливыми друзьями. Назвал бы среди них поэта Павла Антокольского, правдиста Сергея Борзенко (кстати, я подписчик «Правды» с незапамятных времен), писателя Сергея Сартакова, академика Александра Ишлинского, коммерсанта греческого происхождения Николая Эфетерова.

— Можно ли рассматривать ваш «уход» к Пушкину как своеобразный протест против сегодняшних — кровопролитий, нищеты, воровства, бездуховности?

— Нет, это не «уход», а попытка постижения прекрасного. «Дневник Пушкина», как эхо души поэта. Внутренне глубоко демократичный, он боролся против свинцовых мерзостей той поры и передал завет свой потомкам. Как писатель, я вижу это не в словоговорении на собраниях, не в пусторечии правых и левых, а в творчестве. Политика разнолика, моя — творчество, дело. Мораль — порядочность. Неважно, кем себя называет кто-то — коммунистом или демократом. Если труд его на пользу России, если чтит он предков, веками собиравших Русь, я подаю ему руку.

— Вы сказали «эхо». Понятие, вообще-то, эфемерное: прозвучало и...

— Да, но пушкинское звучит после гибели поэта слыше полутора веков. Пушкин — одна из самых высоких вершин нашей культуры. Любовь к нему поистине всенародна. Вот совсем недавно на Патриарших прудах подходит молодое семейство — папа, мама, два малыша. Приехали из Белоруссии. Спрашивают: как пройти к хвзму, где венчался Пушкин? Тропа к нему будет вести людей вечно.

Валентин ПРОХОРОВ.